

(6)

СТРОЯ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Этот некогда счастливый семьянин, галлюцинирующий и связанный полицейскими и персоналом больницы, неожиданно получил от Бога подарок – прочный фундамент для собственной трезвости, который не подводило его ни в горе, ни в радости.

Мы весь день были в поле, где укладывали сено в тюки. Когда работа была завершена, парни принесли галлон муската. Я сделал несколько глотков, потому что хотел быть, как они, и через несколько минут уже чувствовал себя одним из них. А затем заснул под столом во дворе, где моя мать кормила рабочих. Меня нашли, отнесли в постель, а на следующий день отругали. Мне тогда было шесть лет.

Детство я провел на ферме своих тети и дяди. Они воспитывали меня после развода моих родителей. Отец забрал моих двух братьев и двух сестер; меня же, малыша, взяла к себе бабушка, а потом, когда ей стало слишком трудно мной заниматься, я оказался на ферме.

В то время вся наша жизнь сводилась к тяжелой работе. Ели мы то, что сами выращивали, плюс немногочисленные продукты из магазина. К восьми годам я самостоятельно управлял плугом, который тянули лошади. Дома и в своей фермерской общине мы говорили исключительно на испанском. Только когда я пошел в школу, меня стали заставлять говорить по-английски и сказали, что по-испански говорить нехорошо. У меня вечно присутствовало чувство, что я не так умен, как остальные дети, и вообще не так хорош, как другие. На ферме я знал, что справлюсь с чем угодно; в школе же все было совершенно иначе.

В тринадцать я уже был высоким, сильным и выглядел старше своих лет. Тетя с дядей отправили меня в более круп-

ный город - жить в другой семье и учиться, что, как они надеялись, должно было помочь мне в будущем. Я стал водиться с восемнадцатилетними парнями, и они взяли меня на вечеринку в честь Хэллоуина. При первом глотке виски из бутылки, которую мы передавали друг другу по кругу, я чуть не задохнулся. Но, когда подошла моя очередь сделать второй, я уже думал, что это отличная штука. Благодаря алкоголю я почувствовал себя «своим» в компании. Неважно было, что мне - всего лишь тринадцать; я ощущал себя ровесником остальных. К концу вечера я вырубился в уборной, и одному из моих приятелей пришлось отнести меня домой.

Когда мне было пятнадцать, летом я собирал овощи, чтобы подзаработать, и каждый вечер тайком пробирался в поле, чтобы попить пива с другими сборщиками. Воспламененный пивом, я был способен разговаривать с девушками и ходить на танцы. Я был таким же, как и другие. Это позволяло мне наслаждаться днем. Я был на равных с другими парнями, даже если они были старше.

Следующим летом, во время каникул, я стал работать на стройке вместе со взрослыми мужчинами. В конце дня я отправлялся с ними в бар. Бармен ставил кружку пива перед моим соседом, но она предназначалась мне. Я любил пятницу – в этот день выдавали зарплату, и мы шли куда-нибудь и напивались. На выходных я начал пить крепкие спиртные напитки, чтобы ходить на танцы. Дружил я с парнями, которые пили так же, как и я. Мы складывались, чтобы закупить выпивки на вечер. Так как я выглядел старше, покупал ее я. Кроме того, я умел заговаривать с девушками. Среди приятелей я был важной шишкой, потому что доставал выпивку и находил девушек.

За два дня до Рождества я вместе с товарищами-земляками ехал на основной курс военной подготовки. На предпоследней остановке мы спрыгнули с поезда и бросились в бар, чтобы купить спиртного и отпраздновать Рождество. Когда

мы вернулись, нас предупредили, что сопровождающие выбрасывают найденные бутылки из окон, и мы быстро выпили свои и сильно опьянели.

После основного курса нас разослали по разным базам. Я пил нечасто, потому что хотел показывать хорошие результаты. Зато каждый раз, начиная, я не прекращал, пока оставалась еще выпивка. Я не умел говорить: «Мне больше не надо».

Во время отпуска я женился на молодой женщине из своего родного города. Через год родилась наша старшая дочка. Вскоре после этого я, отслужив в военно-воздушных войсках, вернулся домой. Тогда-то все и началось. Ведь я был героем! Поначалу я пил только по выходным, танцуя со своими старинными приятелями и их молодыми женами. В тот год я попал в единственную автомобильную аварию за все время своего пьянства. Я врезался в припаркованную машину, и мой товарищ просто отодрал ее бампер от передка моей машины, и мы поехали дальше. На следующее утро мы просмотрели местную газету в поисках упоминания об этом инциденте. Там его не было, и нас так и не привлекли к ответственности.

Та же самая строительная компания, на которую я работал летом, когда учился в школе, приняла меня учеником плотника. Я был сообразительным и потому быстро все схватывал. Однако потом я возомнил о себе слишком много и забыл обо всем, что сделала для меня компания. Я пожаловался начальству, что мне не заплатили тех денег, которые, как я считал, были мне обещаны, и меня уволили.

Я начал по вечерам посещать школу механиков и нашел себе работу в городе. Тогда я и начал по-настоящему пьянствовать. У тех парней, с которыми я работал, была традиция. Берясь за работу, они непременно покупали бутылку вина. Поначалу я не участвовал в его распитии. Такой крутой парень, как я, не пил вина. Но затем как-то раз я решил тоже выпить с ними. Проглотил пару стаканов, и мне понравилось. На протяжении последующих пяти лет я пил каждый день.

Кончилось тем, что я получил производственную травму, и меня на неделю отпустили домой с условием, что я буду каждый день показываться на работе. Но я этого не делал, потому что не мог – каждый день напивался. На четвертый день босс приехал ко мне, чтобы узнать, что со мной. Меня не было дома, но, прежде чем он уехал, я, пьяный, вернулся. Босс промолчал, но на следующий день секретарь профсоюза сказал мне, что меня собираются уволить. Тогда я поехал в офис и написал заявление об уходе.

За эти годы у нас с женой родились еще три дочери. Меня переполняли угрызения совести, чувство вины и страх, ведь я остался без работы. Я понимал, что наломал дров. Безработицы в то время не было. Я считал, что дело не во мне, а в обычном невезении. Я хватался за любую работу на стройке, готов был работать даже на организации, не имеющие профсоюза.

Затем родился наш первый сын, а двумя годами позже – второй. К этому времени ко мне вернулась гордость, и я стал задаваться вопросом, почему это я должен помогать другим людям делать деньги. Я решил сам стать подрядчиком и делать их для себя. Сдал экзамен, получил лицензию. Стал немного меньше пить, и мой бизнес начал успешно развиваться. Поэтому я начал пить больше. Я мог пойти в бар и оставить своих ребят работать самостоятельно. К третьему году я уже проводил в барах все свое время. Я не мог закончить те заказы, которые получил, и вдобавок потратил все деньги. Состояние мое было скверным. Я стал законченным алкоголиком, винящим во всем Бога и невезение. Алкоголизм подкосил меня; я не смог снова встать на ноги и потому потерял свой бизнес.

После этого я три года перебивался на случайных заработках – два дня здесь, три дня там. Мне с трудом удавалось сводить с концами, а ведь я должен был обеспечивать свою большую семью. Дома не хватало денег, а я пропивал часть заработанного. Жена ворчала и ругалась, и мне хотелось убежать подальше от всего этого.

Я начал браться за работу вне города. Одно время работал в одной компании прорабом. Не знаю, как нам удавалось выполнять заказы. Каждое утро мне было плохо с похмелья. Рабочим приходилось меня ждать. В полдень я шел в бар, чтобы поправить свое здоровье, и потом еще пил вечером.

Дома были сплошные драки, и я, в конце концов, ушел из дома, чтобы дети не видели меня пьяным. Теперь-то, думал я, я смогу пить по-настоящему. Жена начала получать социальное пособие, и через какое-то время я совершенно перестал вносить свой вклад в их бюджет. Мне нужны были деньги на спиртное. Я продолжал работать в строительстве, но был не особенно надежным работником. Я прилежно трудился три-четыре недели, а потом в одно прекрасное утро не желал вставать, и меня увольняли. Я успокаивал себя, что найду другую работу. Но и оттуда меня увольняли.

Через несколько лет меня арестовали, когда я пьяный вел машину, но благодаря помощи моего приятеля из полицейского управления мне приписали всего лишь неосторожное вождение. Однако мне сказали, что в случае еще одного нарушения у меня заберут права. Это произошло одновременно с моей первой попыткой в АА. Я не мог ни протрезветь, ни напиться. Я испытывал страх, угрызения совести, чувство вины. Я побежал к киоску с гамбургерами, нашел в телефонном справочнике номер группы АА и позвонил по нему. Ко мне пришли двое мужчин и сидели со мной, попивая кофе, пока не закрылись все бары. Месяц они приходили и водили меня на собрания. Я думал, что уже пришел в норму и больше не нуждаюсь в их помощи. Мне казалось, что эти парни меня преследуют и слишком назойливы. Поэтому я напился, чтобы отделаться от них.

После этого я переехал в Калифорнию. Пока я разъезжал по стране, мои дети жили на пособие. Я и не представлял, что на стройках Калифорнии можно заработать столько де-

нег. Их я пропивал. Мне не было стыдно за свое поведение по отношению к детям, потому что я постоянно был пьян. Я посылал им подарки. Когда я трезвел, меня начинала мучить совесть, поэтому я снова напивался. Я не переносил трезвости, потому что меня одолевали мысли о том, что я не забочусь о собственных детях.

Много спиртного я употреблял прямо на работе. Было жарко, плотники трудились в шортах и освежались пивом. Банки из-под него валялись по всему участку. Ранним утром я отправлялся в круглосуточный магазин за бутылкой вина, которую выливал в свой термос, чтобы продержаться до ланча. Во время ланча я покупал вина на вторую половину дня, а по пути домой – упаковку из шести банок пива и бутылку вина на вечер. Таким был мой круг жизни.

Однажды, когда я возвращался от друга, меня остановила полиция, потому что мой грузовик «вилял». Меня оштрафовали на триста долларов и дали год испытательного срока. Я не рассчитывал, что мне удастся его выдержать, и потому решил переехать обратно домой.

Три месяца я был без работы, что, в моем случае, означало три месяца пьянства. Когда деньги кончились, я занялся поисками места. Несмотря на то, что полученная мной в Калифорнии профсоюзная карта здесь не играла никакой роли, мои первые наниматели снова приняли меня к себе, на этот раз – прорабом. Сейчас я оглядываюсь назад и думаю: разве Бог не был добр ко мне? А ведь я все время винил в своих неприятностях Его.

Поскольку это была моя первая работа за три месяца, я праздновал это событие, поддерживая себя в нетрезвом состоянии. Я появлялся на участке, давал рабочим указания и уходил пить дальше. Так продолжалось до тех пор, пока я не отчитал владельца компании, заказ которой мы выполняли, и меня не уволили. Тем не менее, благодаря этой работе я попал в

профсоюзные списки и устраивался на хорошие места в хороших компаниях. Я начал пытаться бросить пить.

Иногда мне удавалось продержаться неделю или две, но потом я снова напивался. В этот период я часто виделся со своими детьми. Я поселился вместе со своим тестем в квартире, которая находилась позади дома моей жены. К тому времени мои дочери уже были замужем, а сыновья ходили в младшие классы средней школы. На семейные праздники меня не приглашали, но я сам на них приходил.

В тот год я дважды лечился от алкоголизма в клиниках. Во время первого курса лечения я как-то брился в ванной, и мне померещилось, что моя борода заново отрастает с той же скоростью, с какой я ее сбрываю. Несмотря на то, что я был в больничной пижаме, я удрал из клиники и понесся по улицам, перепрыгивая через заборы. Полицейские обнаружили меня на крыльце дома какой-то женщины, колотящего в дверь, чтобы она меняпустила. Я попытался убедить их, что она – моя жена и внутри находятся мои дети, но они заметили на моем запястье больничный браслет и отвезли меня обратно в клинику.

В те времена пациентов с белой горячкой связывали, чтобы защитить их от самих себя. Это были самые ужасные случаи белой горячки, которые когда-либо у меня бывали. Я никогда в жизни не был так напуган. Мне казалось, что меня преследуют гангстеры, которые хотят меня убить. Потом меня связали, и я старался вести себя очень тихо и спрятаться, чтобы они меня не нашли. Доктор сказал мне, что, если со мной произойдет еще один такой приступ, я могу не выкарабкаться. После этого я три месяца сохранял трезвость и иногда ходил на собрания АА, но затем снова запил. Через несколько месяцев я опять вернулся в клинику. На этот раз мне было не так плохо, и я оставался трезвым еще три месяца.

Потом я ушел в десятидневный запой. Меня переполнял страх, и я не мог ходить. До ванной мне приходилось добираться ползком. В конце концов, я пришел в норму и был способен работать. Однако затем на работе устроили вечеринку по случаю Дня Благодарения, и я снова начал пить каждый день, до самого Рождества. За это меня уволили, и тогда я всерьез взялся за бутылку. К середине января у меня начались галлюцинации, которые не проходили.

Я позвонил в другую клинику и сказал, что нуждаюсь в помощи. Меня пообещали принять через три дня. Чтобы продержаться эти три дня, я пил. Поразительно, но я знал, что, как только попаду в клинику, мое пьянство закончится.

Одна из моих дочерей отвезла меня туда и помогла заполнить необходимые бумаги. Входя в здание, я еле держался на ногах. У меня снова начались галлюцинации, и меня поместили в комнату с мягким полом, которую называли «телевизором». Мне стало казаться, что я в тюрьме, а эти люди хотят меня убить. Когда они открыли дверь, я побежал по коридору к окну, чтобы спастись от них. Работники клиники схватили меня, боясь, что я попытаюсь выпрыгнуть из окна. Я упирался плечом в стену, пытаюсь вырваться, и в кровь ободрал себе пальцы об гвозди. Тогда персонал позвонил в полицию, и усилиями трех шерифов, двух врачей и двух медсестер меня удалось скрутить и сделать укол. Наконец, я угомонился и тихо лежал, готовясь умереть, как мужчина.

Очнулся я через три дня, голый и вонючий. Меня вымыли, и я почувствовал себя великолепно. Мне никогда раньше не было так хорошо — будто я и не пил вовсе. Я стал ходить на консультации, являющиеся частью лечения, и слушать все, что на них говорилось. Нас водили и на собрания АА. Я хотел обладать тем, чем обладали члены этого Сообщества. Полагаю, я в жизни своей ни в чем так остро не нуж-

дался, как в их программе. Я смотрел на этих прекрасно выглядящих мужчин в костюмах и хотел быть таким же. С тех пор у меня ни разу не появлялась мысль выпить. Порой мне в голову приходят сумасшедшие идеи, но они никогда не связаны с алкоголем. Трезвость для меня - это дар Божий.

Если бы я снова запил, это означало бы, что я возвращаю Ему этот подарок. А в таком случае даритель забирает его обратно, не так ли? Но ведь, если Бог его заберет у меня трезвость, я умру!

В течение своего первого года в АА я посещал не менее семи собраний в неделю. Я их просто обожал. Я носил костюмы, как и те мужчины, которых я там видел. Начал работать на стройке, где также трудился один член АА с восьмилетним стажем трезвости, и мы с ним каждый день делились своими опытом, силой и надеждой. Теперь я понимаю, что этого парня мне послал Господь.

В тот год одна компания предложила мне работу в городе, а другая – за его пределами. Мой спонсор посоветовал мне остаться там, где я могу пользоваться поддержкой своей группы и друзей из АА, так как я слишком недавно в Сообществе, чтобы отрываться от них. Я устроился на работу в городе и вот недавно ушел оттуда на пенсию. Подумать только – такой человек, как я, продержался на одном месте целых восемнадцать лет!

Когда я стал вести трезвый образ жизни, жена приняла меня обратно. Я считал себя обязанным вернуться, чтобы заботиться о детях, которых когда-то оставил жить на пособие. Наш третий сын – плод моей трезвости. Кроме того, я приобрел привычку ходить на матчи с участием всех своих сыновей. В их командах были и дети других членов АА, и на игры мы ходили все вместе. Я получал от этого истинное удовольствие. Сейчас мой младший сын учится в колледже. Со всеми детьми у меня прекрасные отношения.

Подталкиваемый к этому своим спонсором, я сразу стал участвовать в обслуживании Сообщества, и это приносило мне настоящую радость. Теперь я – представитель по общему обслуживанию от одной испаноязычной группы и учусь говорить о великом даре трезвости на своем родном языке.

За эти годы у меня бывали и тяжелые периоды. Когда я был трезв уже пять лет, без вести пропала та самая моя дочь, которая привезла меня в клинику и помогала мне. Мои товарищи по АА помогали мне в ее поисках, но она так и не нашлась. Мы с женой воспитали трех ее дочерей. И мне не пришлось заливать горе алкоголем. Вместо этого я ходил на множество собраний, чтобы облегчить свою боль. То же самое я делал и несколько лет назад, когда потерял еще одну дочь, которая умерла от рака.

Из этого я вынес для себя урок: через какие бы трудности и потери мне не пришлось пройти в трезвости, нет необходимости снова предаваться пьянству. Пока я работаю по программе, приношу пользу другим, хожу на собрания и забочусь о своей духовности, я могу вести жизнь порядочного человека.

Сейчас, размышляя о прошлом, я думаю, что перестал взрослеть в пятнадцать лет, когда начал пить с более старшими ребятами. Я хотел жить в мире с самим собой и чувствовать себя комфортно в обществе других людей. Но в выпивке я не нашел решения. Только в АА и в трезвости я обрел то ощущение принадлежности к обществу, в котором всегда нуждался. У меня не возникает ни единой мысли об алкоголе. Бог здесь. Мой спонсор здесь. Все это – Его заслуга. Сам я бы не смог завязать. Я это знаю, ведь я пробовал.